

Н.В. Султанов

**Памятники древней
письменности и искусства
XVII. Образцы древне-
русского зодчества в
миниатюрных изображениях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7.01
ББК 85
Н11

Н11 **Н.В. Султанов**
Памятники древней письменности и искусства XVII. Образцы древне-русского зодчества в миниатюрных изображениях / Н.В. Султанов – М.: Книга по Требованию, 2015. – 59 с.

ISBN 978-5-518-07074-5

Исследование по рукописи XVI века "Житие Николая Чудотворца".

ISBN 978-5-518-07074-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ствіе убиле зараждавшуюся художественную дѣятельность, и не только заставило ее смолкнуть на цѣлыхъ полтора столѣтій, но, что хуже всего, порвало въ этомъ отношеніи всякую связь предыдущаго съ послѣдующимъ, такъ что Москвѣ не пришлось продолжать дѣла Суздаля, а пужно было начинать сначала.

Первые московскіе каменные соборы: Успенскій, Спасъ-на-Бору и Архангельскій были построены въ первой половинѣ XIV столѣтія, въ княженіе Іоанна Даниловича Калиты. Каковы были эти первоначальные памятники вновь зараждавшагося зодчества — теперь сказать опредѣлительно довольно трудно, хотя впрочемъ есть не мало данныхъ въ пользу того предположенія, что они строились подъ повгородскимъ вліяніемъ.

Затѣмъ, начиная съ княженія Іоанна III появляются у насъ итальянскіе мастера, съ Аристотелемъ Фіоравенти во главѣ. Эти мастера должны были повидимому внести къ намъ свои архитектурныя формы, но вышло почти наоборотъ. Еще покойный Погодинъ замѣтилъ на первомъ археологическомъ съѣздѣ, что «откуда-бы что ни приходило, русская печь все переваривала, и что изъ нея выходило, то было уже не иностранное, хотя и сходно съ кое-чѣмъ иностраннымъ»¹⁾. Эти слова покойнаго историка вполне примѣнимы къ дѣятельности чужеземныхъ мастеровъ: такова была всепоглощающая сила и національная устойчивость тогдашней Руси, что она не только не преклонилась предъ итальянскими художниками, а наоборотъ—сама передѣлала ихъ на свой ладъ. Всѣ итальянскіе мастера отъ Фіоравенти и до Бонна повторяли старорусскіе образцы, какъ это видно по дошедшимъ до насъ ихъ произведеніямъ, и все ихъ вліяніе выразилось лишь въ техническихъ приѣмахъ, да въ нѣкоторыхъ итальян-

¹⁾ См. «Поѣздка на съѣздъ археологовъ или древне-любителей» Вад. Лѣвстицына. Ярославль. 1869.

скихъ подробностяхъ (деталей), попадающихся на нашихъ постройкахъ XVI вѣка, каквы напр. подробности (детали) Архангельскаго собора въ Москвѣ, Вознесенской церкви села Коломенскаго, и др. Но тѣмъ не менѣе услуги, оказанныя ими русскому зодчеству, весьма важны, хотя онѣ и ограничиваются преимущественно технической стороною вопроса. Стоя въ этомъ отношеніи несравненно выше неумѣлыхъ русскихъ мастеровъ, они сразу поняли въ чемъ суть, и вывели наше строительное дѣло на вѣрную дорогу: бѣлый камень, которымъ изобилуютъ окрестности Москвы, отличающійся какъ строительный матеріалъ весьма дурными качествами, былъ отброшенъ ими и замѣненъ почти единственно возможнымъ въ нашихъ осадочныхъ равнинахъ строительнымъ матеріаломъ—кирпичемъ. И эта постановка вопроса была столь правильна, что наше кирпичное зодчество дало не только блестящій и вполне самостоятельный разцвѣтъ во второй половинѣ XVII вѣка, но даже и до настоящаго времени кирпичъ представляетъ собою почти исключительно употребляемый въ средней и сѣверной Россіи каменный матеріалъ. Новый матеріалъ повлекъ за собою новые приемы однородной кладки и вытѣснилъ окончательно византійскій способъ возведенія каменныхъ стѣнъ изъ облицовокъ съ забуткою. Мало того, подъ руководствомъ тѣхъ-же итальянскихъ мастеровъ русскіе строители выучились лучшимъ способамъ обжиганія извести и приготовленія растворовъ, дѣлу, которое Аристотель Фюравенти засталъ у насъ въ самомъ младенческомъ состояніи.

Между тѣмъ великое дѣло освобожденія отъ ига, свершонное Іоанномъ III, возымѣло свое дѣйствіе и дало сильный толчекъ развитію жизни народа вообще и его художественной дѣятельности въ частности. Усвоивъ себѣ преподаваемые имъ итальянскими мастерами уроки, русскіе тотчасъ-же примѣнили ихъ къ своимъ любимымъ, старозавѣтнымъ деревяннымъ формамъ, что породило новые типы ка-

меннаго зодчества. Замѣтимъ, между прочимъ, что подобный переносъ формъ представляетъ собою явленіе свойственное не одной русской архитектурѣ, но и многимъ другимъ, какъ напримѣръ индійской. Это самобытное направленіе создало уже въ первой половинѣ XVI вѣка вполне своеобразное и притомъ чисто-народное зодчество, представителями котораго служатъ такія блестящія художественныя произведенія, какъ напр. церкви въ селахъ Коломенскомъ, Дьяковѣ и наконецъ соборъ Василия Блаженнаго, это «ультра-національное произведеніе», какъ его называетъ нѣмецкій ученый Куглеръ. Само собою разумѣется, что такія постройки не могли представлять собою явленія зауряднаго, и потому уже въ царствованіе самого строителя собора Василия Блаженнаго, царя Іоанна Васильевича Грознаго, русская строительная дѣятельность принимаетъ иное направленіе. Москва перестаетъ быть ея исключительнымъ центромъ, такъ что взамѣнъ прежнихъ большихъ и почти исключительно московскихъ сооружений предыдущаго періода появляется множество церквей старыхъ по формѣ, но меньшихъ по размѣрамъ, разсѣянныхъ почти по всему лицу земли Русской. И теперь, по свидѣтельству покойнаго Л. В. Дала, «цѣлыя сотни сельскихъ церквей, особенно на востокѣ Россіи, считаютъ царя Івана Васильевича Грознаго основателемъ своего прихода, что подтверждается иногда и грамотами». Пожертвованныя имъ царскія врата разсѣяны повсюду, и потому «немудрено, прибавляетъ Даль, что онъ первый изъ государей попалъ въ сказанія народнаго эпоса»¹⁾.

Въ кратковременное царствованіе Феодора Іоанновича конечно многого выстроить было нельзя, но тѣмъ не менѣе въ его царствованіе Годуновъ самъ заложилъ стѣны каменной крѣпости въ Смоленскѣ и кромѣ того сгорѣвшій до тла въ 1595 году Китай-городъ былъ восстановленъ изъ пепла съ новыми каменными лзвками и домами.

¹⁾ «Зодчій», 1873, № 4.

Во второй половинѣ XVI вѣка въ русской жизни замѣчается новое явленіе, которое незамедленно отозвалось на ея искусствѣ. Мы говоримъ о наступленіи болѣе тѣсныхъ сношеній съ Западомъ, которыя выражаются какъ въ частомъ обмѣнѣ посольствъ съ европейскими державами, такъ и торговыми сношеніями со всевозможными народами Европы, начиная съ англичанъ и французовъ и кончая нѣмцами и голландцами, устремившимися по слѣдамъ Ченслера въ Бѣлое море. Эти связи и это знакомство съ Западомъ усиливаются еще болѣе оттого, что въ эту-же эпоху начинается сильный приливъ иноземцевъ въ Москву, преимущественно нѣмцевъ, которые бѣжали съ родины вслѣдствіе начавшихся религиозныхъ войнъ и раздоровъ Уніи и Лиги, и хотя французскій археологъ Мельхиоръ-де-Воге въ своемъ излѣдованіи «*Origénerie ancienne de la Russie*» ¹⁾ полагаетъ, что московское правительство открыло двери нѣмецкимъ протестантамъ въ силу своей ненависти къ католицизму—вѣрѣ поляковъ, но дѣло объясняется гораздо естественнѣе: оно просто нуждалось въ опытныхъ и знающихъ ремесленникахъ. Уже въ царствованіе Іоанна Грознаго нѣмцы жили спокойно въ Москвѣ за Яузой, въ Новой Нѣмецкой слободѣ, имѣли свою церковь, занимались различными ремеслами и художествами, и даже, по выраженію Карамзина—«спѣсивились и роскошествовали до соблазна: жены ихъ стыдятся носить не бархатное или не атласное платье». При царѣ Θεодорѣ Іоанновичѣ, оказывавшемъ также нѣкоторое покровительство искусствамъ и ремесламъ, число иностранцевъ въ Москвѣ постоянно возрастало, такъ что въ его время были у насъ искусные золотыхъ дѣлъ мастера и прививались даже иноземныя производства, такъ напр. царь Θεодоръ завелъ шелковую фабрику въ Москвѣ, и вызванный имъ итальянецъ Марко-Чинопи ткалъ бархаты и парчу въ домѣ, отведенномъ

¹⁾ См. «*Annales archéologiques*», 1855, т. XV, р. 77

ему близъ Успенскаго собора. При Феодорѣ-же въ русскомъ войскѣ служило около 5000 иностранцевъ разныхъ народностей, такъ что при немъ состояло 4300 нѣмцевъ и поляковъ, 150 шотландцевъ и нидерландцевъ и 100 грековъ, шведовъ и датчанъ. Въ царствованіе Бориса Годунова порядокъ вещей очевидно не могъ существенно измѣниться. ибо въ сущности во главѣ государства стояло одно и то-же лицо. Борисъ былъ въ особености благосклоненъ къ иностранцамъ, и вызывалъ къ себѣ на службу не только врачей, художниковъ и ремесленниковъ, но даже и знатныхъ людей. Но особенною милостію его пользовались иноземные врачи: царь не только удостоивалъ ихъ почти ежедневной бесѣды, но даже изъ милости къ нимъ позволилъ возобновить сожженную Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ нѣмецкую церковь.

Все это вмѣстѣ взятое ясно показываетъ, что во второй половинѣ XVI в. въ Россіи, или по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, которая «всѣмъ городамъ указывала», должно было чувствоваться нѣкоторое европейское вліяніе, и что она обладала довольно развитымъ искусствомъ, не чуждымъ западныхъ элементовъ.

Чтобы рѣшить второй вопросъ, т. е. вопросъ о томъ, какъ могъ изобразить русскій художникъ конца XIV вѣка извѣстныя ему архитектурныя формы, надо сказать нѣсколько словъ о перспективномъ изображеніи вообще и о послѣдовательномъ научномъ развитіи перспективы. Перспектива, какъ наука, получила свое начало еще въ XV вѣкѣ, и отцомъ ея слѣдуетъ считать итальянца Петра Борго. Но истинныя понятія о перспективѣ далеко еще не распространились въ это время въ Европѣ, какъ это мы видимъ, по крайней мѣрѣ, изъ произведеній европейской живописи той эпохи. Затѣмъ, въ обработкѣ ея принимали участіе такія имена, какъ Альбрехтъ Дюреръ, Виньола, Серліо и другіе художники и ученые, и благодаря ихъ трудамъ въ XVI столѣтіи начинается въ Европѣ распространеніе здравыхъ перспективныхъ понятій.

Конечно, это не имѣетъ соотношенія къ Россіи, потому что перспектива, какъ наука, даже въ принѣненіи является у насъ не ранѣе второй половинны XVII вѣка въ лицѣ работавшаго въ Москвѣ «преоспективнаго дѣла мастера» Петра Энглеса. И даже интереснѣйшія изъ нашихъ миниатюръ, въ родѣ миниатюръ «Царственной Книги» или же книги «Избраніе на царство», лишены вѣрной перспективы.

Мы не станемъ здѣсь излагать правилъ современной научной теоріи перспективы, но позволимъ себѣ указать только на какомъ-нибудь частномъ примѣрѣ главнѣйшія особенности перспективныхъ изображеній.

Особенности эти сводятся къ слѣдующимъ даннымъ:

1. Всѣ горизонтальныя линіи, которыя заключаются въ плоскости горизонтальной, проходящей чрезъ глазъ наблюдателя, горизонтальны въ перспективѣ (линіи ВТ, чер. 1, табл. I).

2. Всѣ линіи горизонтальныя и параллельныя между собой въ натурѣ, но наклонныя къ плоскости картины, сходятся другъ съ другомъ въ перспективномъ изображеніи, подъ нѣкоторымъ угломъ (b, b', b'', b''' .. c, c', c'', c''' *ibid.*).

3. Всѣ линіи вертикальныя въ натурѣ, вертикальны и въ перспективѣ; но при равной величинѣ въ натурѣ, тѣмъ болѣе въ перспективѣ, чѣмъ онѣ ближе къ плоскости картины (a, a', a'' ... *ibid.*).

Нашъ современный глазъ до такой степени привыкъ ко всѣмъ этимъ особенностямъ правильнаго перспективнаго изображенія, что безъ всякаго труда, даже совершенно безсознательно замѣчаетъ малѣйшее отступленіе отъ нихъ. Изъ всѣхъ этихъ особенностей авторъ миниатюръ въ «Житіи Николая Чудотворца» подмѣтилъ только одну, а именно: онъ замѣтилъ линіи горизонтальныя въ натурѣ, но наклонныя къ картинной плоскости, наклонны въ перспективѣ; что же касается до того, что равныя въ натурѣ вертикальныя линіи въ перспективѣ уменьшаются по мѣрѣ удаленія отъ плоскости картины, то онъ этого не замѣчаетъ, и потому дѣлаетъ ихъ,

какъ въ натурѣ— равными. Вслѣдствіе этого его изображенія производятъ на современный глазъ весьма странное впечатлѣніе: они напоминаютъ скорѣе изометрическое изображеніе предмета, нежели его перспективу (чер. 12, т. III, чер. 33, т. VII, чер. 105, т. XII, и черт. 132, и 136, табл. XV, и проч.).

Эту неправильность изображенія художникъ запутываетъ иногда еще болѣе слѣдующимъ страннымъ приемомъ: онъ ставитъ на первый планъ не ту часть зданія, которая ближе къ картинной плоскости, а ту, которая важнѣе по своему значенію, въ силу чего онъ, напримѣръ, выдвигаетъ впередъ средній куполь пятиглавой церкви, несмотря на то, что онъ окруженъ угловыми (черт. 12, табл. III). Или-же за неимѣніемъ мѣста измѣняетъ очертаніе формы и дѣлаетъ ее сплюснутою (черт. 6, табл. II). А иногда, наоборотъ, для заполнения мѣста повторяетъ ее дважды. Напр., желая изобразить отверстую сверху церковь, онъ пририсовываетъ верхушку ея съ двухъ сторонъ (черт. 15-й, табл. IV). Въ заключеніе слѣдуетъ еще указать на тѣ вольности и наивности, которыя попадаются въ миниатюрахъ и которыя никогда не позволилъ-бы себѣ современный художникъ: такъ напр., чтобы показать что дѣлается внутри зданія, онъ прямо срѣзываетъ часть его, соединяя такимъ образомъ фасадъ съ разрѣзомъ, т.-е. внутренность съ наружностью, что, конечно, уже совершенно невозможно въ дѣйствительности (черт. 5, табл. I). Отсюда ясно видно, что только принимая въ расчетъ всѣ эти особенные приемы, можно, такъ сказать, распутать эти миниатюрныя изображенія и выяснитъ себѣ то что хотѣлъ выразить ихъ составитель.

Предпославъ эти необходимыя объясненія, мы полагаемъ возможнымъ перейти теперь къ рассмотрѣнію самыхъ изображеній.

Черт. 6-й (табл. II), взятый со стран. 19-й «Житія», представляетъ собою одноглавую церковь съ троючастнымъ дѣлѣніемъ фасада, который перехваченъ посрединѣ узорочнымъ

пояскомъ, идущимъ также по карнизу алтарной абсиды. На первый взглядъ рисунокъ производитъ крайне смутное впечатлѣніе: архивольты арокъ оканчиваются какими-то странными свѣшивающимися частями, на подобіе хобота; надъ окнами помещено по три кружка, а подъ ними какія-то черты. Но если внимательно разсмотрѣть изображеніе, то въ немъ не трудно будетъ узнать церковь чистѣйшаго владиміро-суздальскаго типа, въ родѣ Димитріевскаго собора, Покрова-на-Нерли, и проч. Возьмемъ для сравненія церковь Покрова-на-Нерли (черт. 7-й, табл. II), и формы ея объяснятъ намъ вполне рисунокъ миниатюры. Кружки надъ окнами суть не что иное, какъ обронныя украшенія, которыя расположены тоже тремя группами; а хоботообразныя придатки къ архивольтамъ—это каменные водомѣты или откосы водосточныхъ трубъ, которыми снабжены для стока воды разжелобки или впадины кровли между сводовъ, и которые расположены у церкви Покрова-на-Нерли надъ капителями колонокъ. Водомѣты эти, извѣстные въ западной архитектурѣ подъ названіемъ «гаргулей», были очень распространены въ нашемъ зодчествѣ, и удержались въ немъ такъ долго, что мы встрѣчаемъ ихъ на такомъ сравнительно позднемъ памятникѣ, какъ напр. церковь въ селѣ Останкинѣ подъ Москвою (конца XVII в.); они обыкновенно вытесывались изъ бѣлаго камня и имѣли видъ лотка (черт. 3, табл. I). Поясокъ церкви изображенъ въ московской передѣлкѣ. пояски первыхъ московскихъ церквей удерживаютъ свою первоначальную суздальскую форму, т. - е. состоятъ изъ арокъ, поддерживаемыхъ колонками, на подобіе того, который украшаетъ фасадъ церкви Покрова-на-Нерли (черт. 7, табл. II) и какой мы видимъ напр. въ московскомъ Успенскомъ соборѣ (табл. III, черт. 13), но потомъ замѣняются просто каменнымъ балясникомъ, расположеннымъ во впадинѣ, въ родѣ фриза, и перекрытымъ свѣшивающимся кирпичемъ; таковы пояски церкви Печерской Божіей Матери въ московскомъ Кремлѣ (табл. I, черт. 4),

такъ называемой Сошестввенской церкви Троице-Сергіевой Лавры, и проч. Въ этой-то московской передѣлкѣ поясокъ и знакомъ художнику, украшавшему миниатюрами житіе Николая Чудотворца. И дѣйствительно, онъ вездѣ представляетъ его въ видѣ баласника съ шаровидными утолщеніями по срединѣ (табл. 1, черт. 2). Форма церковной главки луковичная, московскаго періода; сдавленность ея формы объясняется просто недостаткомъ мѣста. Единственная разница между миниатюрнымъ изображеніемъ и фасадомъ церкви Покрова-на-Нерли заключается въ томъ, что на миниатюрѣ окна приподняты надъ пояскомъ, а на фасадѣ Покрова они опираются на него; но это различіе не можетъ быть принимаемо въ расчетъ, если только припомнить, что въ Дмитріевскомъ соборѣ окна также находятся посрединѣ стѣны и между ними и пояскомъ расположены оброчныя украшенія, совершенно также, какъ въ миниатюрѣ.

Типъ владиміро-суздальскихъ церквей былъ занесенъ въ Москву Аристотелемъ-Фіоравенти, который, какъ извѣстно, ѣздилъ по приказанію Великаго Князя Ивана III во Владиміръ и осматривалъ тамъ постройки. Видоизмѣненіе суздальскаго типа на московской почвѣ заключалось въ томъ, что по длинѣ зданія былъ прибавленъ еще одинъ лишній пролѣтъ, вслѣдствіе чего его боковые фасады стали четверо-частными вмѣсто троечастныхъ, да вмѣсто одной главы стали дѣлать пять. Образцомъ подобныхъ храмовъ можетъ служить московскій Успенскій соборъ (табл. III, черт. 13). Если мы присмотримся теперь къ собору, изображенному на стр. 52 (табл. III, черт. 12), да исправимъ перспективныя погрѣшности рисунка, то получимъ ни болѣе, ни менѣе, какъ самое вѣрное изображеніе Успенскаго собора. И дѣйствительно, мы видимъ на миниатюрѣ тѣ-же пять главъ съ большими широкими шеями (барабанами), то-же четверочастное дѣленіе южнаго фасада съ вытянутыми и полукруглыми вверху окнами; тотъ-же поясокъ посрединѣ высоты и наконецъ марни-

зигъ на алтарной абсидѣ, который точно также, какъ и въ натурѣ — расположенъ выше пояса фасада.

Разбирая всё эти типы, мы считаемъ долгомъ оговориться, что каждый изъ нихъ не составляетъ единичнаго явленія въ миниатюрахъ рукописи, но, наоборотъ, неоднократно повторяется съ самыми ничтожными измѣненіями. Мы не представляемъ здѣсь перечня подобныхъ повтореній, ибо очевидно, что подобныя числовыя данныя не представляютъ ровно ничего занимательнаго.

Затѣмъ на стр. 18 (табл. VI, черт. 27) изображена трехглавая церковь съ луковичными главками на круглыхъ шеяхъ. Но мы знаемъ, что трехглавыя церкви всегда имѣли шатровыя верхи. Если-же теперь принять во вниманіе, что боковыя главы стоятъ гораздо ниже средней, то станетъ ясно, что это не одна церковь, а скорѣе группа церквей, т.-е., иными словами, главная церковь съ придѣлами. Это отдѣльное устройство придѣловъ—также московскихъ рукъ дѣло. Въ XVI вѣкѣ въ московскомъ зодчествѣ появляются немногочисленныя церкви, имѣющія въ планѣ квадратъ, къ которому прилегаютъ малыя квадраты придѣловъ, таковы напр. Благовѣщенскій соборъ, придѣлы котораго пристроены въ эту эпоху; а въ XVII вѣкѣ церкви эти получаютъ особенное пространство и имя имъ — легионъ. Останкинская, Грузинской Богоматери, Никола на Столпахъ, и проч. и проч., всё онѣ таковы и всё имѣютъ по два боковыхъ придѣла. Кромѣ этого видоизмѣненія Москва внесла еще другую перемѣну въ суздальскій типъ: въ суздальскихъ постройкахъ фасады оканчиваются вверху просто однимъ рядомъ полуарковъ, а въ московскихъ этотъ рядъ полукруговъ повторяется дважды и трижды на поверхности свода, отступая каждый разъ къ центру, образуя ряды «закомарочекъ» или, какъ ихъ теперь называютъ—«кокошниковъ» (табл. VI, черт. 29). Эти ряды закомарочекъ или кокошниковъ особенно сильно распространены были въ XVII вѣкѣ, и пѣтъ ни одной церкви